

УДК 821.161.1

**Татьяна Владимировна Попова,
Татьяна Вячеславовна Каширина**
г. Усурийск

**Образ Пана в стихотворении Беллы Ахмадулиной «Невольные прегрешения в
ночь на 25 декабря»**

В статье анализируется стихотворение видного поэта второй половины XX века – Беллы Ахмадулиной. Цель исследования – выявление функции образа Пана и способов его создания в лирическом стихотворении и в эстетике поэта. Для этого применяется системно-целостный подход, объединяющий литературную герменевтику, мифологический и (частично) биографический метод. В статье названы основные причины, обусловившие обращение Беллы Ахмадулиной к образу Пана, и черты, свойственные данному образу. Авторами отмечается близость лирической героини образу Пана: они оба наделены талантом и вызывают непонимание окружающих, одиноки. Также подчеркнуто уподобление Пана Высшим силам и вдохновению. Проблематика статьи может быть определена следующим образом: изучение способов создания образа Поэта (Демидурга) в мировой художественной культуре, которая воспринимается лирической героиней Беллы Ахмадулиной как личная память.

Ключевые слова: образ, античность, мифология, мифема, лирическая героиня, поэт, субъект речи.

**Tatiana Vladimirovna Popova,
Tatiana Vyacheslavovna Kashirina**
Ussuriysk

**The Pan's image in the Bella Akhmadulina's poem
"Involuntary sins on the night of December 25"**

The article analyzes a poem by a prominent poet of the second half of the twentieth century - Bella Akhmadulina. The purpose of the study is to identify the function of the Pan's image, the ways of creating it in a lyric poem and in the poet's aesthetics. For this, a systemic and holistic approach is applied, combining literary hermeneutics, mythological and (partially) biographical method. The article identifies the main reasons for Bella Akhmadulina's appeal to the image of Pan, and the features characteristic of this image. The authors note the closeness of the lyrical heroine to the image of Pan: they are both endowed with talent and cause misunderstanding of others, they are alone. The likeness of Pan to Higher powers and inspiration is also emphasized. The problematic of the article can be defined as follows: the study of the ways of creating the image of the Poet (Demiurge) in the world art culture, which is perceived by the lyrical heroine Bella Akhmadulina as a personal memory.

Keywords: image, antiquity, mythology, mythology, lyrical heroine, poet, subject of speech.

Поэзия Беллы Ахмадулиной – значимое явление в литературе 60-х годов прошлого века. Ее творчество не перестает привлекать внимание исследователей, что свидетельствует об актуальности темы. М.Н. Лейдерман и Н.Л. Липовецкий называют Б. Ахмадулину в ряду неоакмеистов-шестидесятников, подчеркивая характерные эстетические принципы: «ориентация стиха на постоянный цитатный диалог с классическими текстами; стремление обновлять традиции, не разрывая с ними; чувство историзма, внимание к драматическим отношениям между мировой культурой, русской историей и личной памятью автора; осмысление памяти, воспоминания как глубоко нравственного начала, как основы творчества» [5, С. 297].

Именно образ мировой художественной культуры, увиденный через призму главного в творчестве Ахмадулиной мотива творчества, становится «единым стержнем смысла», формулой связи между «личным опытом поэта и историческими обстоятельствами, между прозой жизни и ходом времени» [5, С. 298]. В связи с этим закономерным и органичным видится обращение поэта к античному образу, объединяющему в себе принадлежность к

«колыбели» европейской цивилизации и магические, божественные свойства, близкие одарённому субъекту.

Воспринимая широкий контекст художественной культуры во всём многообразии взаимосвязей, Белла Ахмадулина нередко обращается к образам античной мифологии. Наше внимание привлёк образ Пана. Возникают вопросы, как и почему поэт творчески переосмысляет его. Цель исследования – выявление функции образа Пана и способов его создания в стихотворении Беллы Ахмадулиной «Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря».

Следует отметить, что исследуемый образ характерен для поздней лирики. Он встречается в стихотворениях цикла «Глубокий обморок» (1997) («Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря», «Закрытие тетради» и «Жалобы пишущей ручки») и «Возле ёлки» (1999-2000).

Первый цикл, напоминающий лирический дневник, создавался Беллой Ахмадулиной в момент нахождения в Боткинской больнице. Хронтоп больницы – это изолированное пространство, в котором субъект речи постоянно пребывает в со-

стоянии глубокого полузабытья, смутно ощущая грань между действительностью и вымышленным миром. (Это нашло отражение в заголовке сборника). Хронотоп цикла «Возле Елки» – переломный момент, наступление нового, XXI столетия. Это время, когда человек полон надежд на скорые изменения, но также это и прощание со всем старым и готовность принять новое. В обоих циклах образ Пана рождается в сознании лирической героини, олицетворяя могущественную силу, древнее знание. Однако именно в стихотворении «Невольные прегрешения в ночь на 25 декабря» выстраивается параллель между Паном и поэтически одарённым субъектом речи, наблюдения за центральным образом может стать ключом к пониманию эстетики Ахмадулиной, ее концепции творчества и Поэта.

Уже в названии стихотворения обозначен субъект речи, подвластный неким силам, толкнувшим его на прегрешения, а также конкретная дата. В контексте с лексемой «грех» в хронотопе стихотворения читателем ожидается образ наступающего римско-католического Рождества, который подан через призму творчества. («*В честь Рождества затеплилась лампада*»; «*Лампада, не внимай моим словам*», «*Я верую в прощение лампады: власть благодатной ночи такова*»). Трижды упомянутая лампада и диалог субъекта речи с ней создают символ духовного союза между людьми, вдохновения свыше. Приметой творчества также является стол: «*Я за столом пирую, это правда...*». Это и обеденный (праздничный), и письменный – для сотворения художественного слова. Процесс созидания художественного слова здесь героиня воспринимает как торжество, приносящее удовольствие: «*Стол празднества – в моих черновиках*». Неотъемлемым атрибутом любого поэта является также перо – инструмент, который в стихотворении олицетворяется: «*Перо мое, грехи, пиши пропало –, пребудь ночного пиришества вождем*». Здесь мы видим глагол «пиши» в повелительном наклонении, обозначающий призыв писать, но, оказывается, это часть фразеологического оборота, обозначающего что-то безвозвратно пропавшее, неудавшееся. Свойственный лирике Ахмадулиной мотив несовершенства собственного творчества в стихотворении с заголовком «Невольные прегрешения...» наводит на мысль о природе «прегрешений»: они связаны с творчеством (вероятно, нарушается запрет творить, исполнение замысла выходит «недостойным» и т.д.)

Всё это неслучайно предшествует сужению хронотопа до пространства Европы, Италии появлению образа Пана. Лейтмотив христианства – путь к очищению и свету через страдание. В эстетике Ахмадулиной мукой для поэта становится невозможность писать из-за отсутствия вдохновения и/или человеческих слабостей одаренного субъекта. Спасение лирическая героиня ищет в мировой художественной культуре («*Мой дар ис-*

как, но есть дары цитат») [2]. При этом историческая память воспринимается как личное воспоминание: «*В ночи блистая, как светла Европа! Как в эту ночь чужбина мне чужда!*» – важно уточнить характерное для Ахмадулиной ощущение родства с Италией. В поэме «Моя родословная» она, восстанавливая историю своей семьи, пишет, что девичья фамилия ее бабушки по материнской линии – Стопани – была привезена в Россию итальянским шарманщиком, который положил начало роду, ставшим потом совершенно русским [1].

Лирическая героиня просит прощения у «Младенца, Девы на руках» за то, что она в ночь на 25 декабря невольно покидает мыслями свою родину и позволяет себе окунуться в античность, во времена до рождения Христа. Ещё один неожиданный сокрытый смысл соседства христианского и античного миров и их связи с лирической героиней расшифровывает В. Зубарева в работе «Промельк Пушкина» [3, С. 72]: преемник свирели Пана – Пушкин («Курчав» один и «пышногрив» другой; оба всегда в окружении поклонниц; обоих отличает вспыльчивость... оба страдают, полюбив, и возлюбленная становится свирелью их вдохновения); ошибочное известие о смерти Пана и псевдокончина Пушкина). Но «Пушкин не мыслится ею как «языческий» поэт» [3, С.72], он объединяет в себе физический и духовный свет, присутствующий везде и всюду и всегда ощутимый для лирической героини.

Для определения функций образа Пана в исследуемом стихотворении и художественном мире Беллы Ахмадулиной обратимся к традиции изображения Пана. Известно, что внешне он предстает как существо с «козлиными нога и рогами и с длинной бородой». Согласно мифу, родив Пана, его мать Дриопа обратилась в бегство. А его отец Гермес отнес на Олимп. Там Пан забавлял и веселил своей необычной внешностью жителей священной горы. Спустя время Пан уходит в леса, в горы, чтобы жить среди природы. Он пасет стада, играет на свирели, веселится с Дионисом. Но, когда наступит полдень, опасно беспокоить Пана. Ведь он отдыхает, а значит отдыхает и вся природа. «Он вспыльчив и может в гневе послать тяжелый давящий сон или ... испугать потревожившего его путника». А еще Пан может «наслать панический страх» на того, кто решит бежать от него. Со всем иной житель гор, если не испытывает гнева, – он «милостив и добродушен» [4, С. 82-83]. Ещё один известный мифологический сюжет – история Пана и его возлюбленной. «Стрелы златокрылого Эрота» поразили рогатого и козлоногого жителя гор. И полюбил он прекрасную нимфу Сирингу. Но любовь Пана безответна. «Нимфа обратилась в бегство», пока ее путь не преградила река. Ей оставалось только просить спасения у бога реки, который услышал молитвы и превратил ее в тростник. «Стоит Пан, печально вздыхая, и слышится ему в нежном шелесте тростника прощальный

привет прекрасной Сиринги». Из нескольких тростинков он сделал свирель и назвал ее Сиринга [4, С. 83-84].

Носитель авторского сознания в стихотворении искусно повествует историю о судьбе бога пастушества Пана, сохраняя при этом сюжет мифа. Пан является ребенком нимфы Дриопы и бога торговли Гермеса. Увидев дитя мать «отпрянула – наотмашь, наотрез» от своего ужасного сына. С самого рождения он – не такой, как другие, вызывает тревогу и страх. Обращает на себя внимание антитеза: «Прельстительно» двурогий и козлоногий». С одной стороны – пугающие эпитеты, а с другой – наречие, обозначающее что-то прекрасное, обольстительное. Именно таким боги на священной горе, возликовав, увидели удивительное дитя. Греки и римляне тоже любовались Паном (его имя переводится с древнегреческого «понравившийся всем»). Эта особенность может быть соотнесена с популярностью поэта, развлечением «толпы».

В обители 12 богов он вырос «веселым, пышногривым»; вместе с Паном веселье разделяли нимфы. Если принять во внимание наблюдения В. Зубаревой о близости образов Пана и Пушкина в поэтическом мире Ахмадулиной, то и мотив страдания в любви оказывается точкой соприкосновения между этими образами и особенностью Художника в широком смысле: «Пан уязвлен стрелой, не сравнимой с другим оружием». Возлюбленная становится музой, источником вдохновения, только оно способно унять страдания Пана. Срезав стебель растения, он «сотворил свирель» и назвал ее «Сиринга». «Свирель» – символ поэтического творчества, античного искусства [7]. «Не горше ль это, чем объятья Пана» – риторический вопрос к отвергнувшей Пана нимфе подтверждает симпатию лирической героини к центральному образу.

Следует также добавить, что Пан имеет прямое отношение к искусству, к театру, музыке. Ему не чужда компания Диониса, или римского Вакха – бога вина, веселья, «пьет с Дионисом (если в Риме – с Вакхом)». «Добрый долг исполнив», забыв все печали, Пан отдыхает. Долг в этой строке может быть интерпретирован как творчество, которое делает мир лучше, украсит его. Мотив творчества также характерен всей поэзии Ахмадулиной: художественное слово способно, называя предмет, дать ему прочное воплощение, поэтически переосмыслить. (Оттенок возвышенности приобретают ручка, капельница, телефонный аппарат в больничном коридоре, кухня, пуговица, кофе, камни, недоделанный рабочими ремонт, очередь, медицинские приборы и т.д.).

У Пана есть еще одна особенность – его спящего беспокоить нельзя. Когда засыпает Пан, то с ним засыпает вся природа под палящими лучами солнца: это затишье в полдень считалось священ-

ным, и никто не осмеливался нарушить его. Но если кто-то все-таки пренебрегал покоем Пана, то был «гневу обречен», испытывал панический страх. Здесь видится восприятие этого могучего существа носителями обыденного сознания. Поэт также опасен для обывателя, он наделен даром предвиденья, говорит то, что может принести беду, обладает тайным знанием.

Обращение к образу Пана и другим образам Древней Греции («провела Эллада») чаще находим в поздней лирике поэта. Это обусловлено характерным для романтического неоакмеизма Ахмадулиной переживанием истории как личного воспоминания. В статье «Итальянцы в России» Ахмадулина пишет, что из всех влияний, воздействии Италии на нее ей казалось самым возвышенным [6, С. 106]. Это позволяет говорить, что сам образ Пана служит способом создания образа лирической героини и Поэта-Демииурга. Также мы можем смело утверждать, что Пан в наследии Ахмадулиной – это мифема, за которой скрывается целый миф об античном персонаже, доконструированный поэтессой.

«Всю ночь на день декабрьский двадцать пятый / Пан в дудку дул и веял сквозняком». На наш взгляд, под сквозняком подразумевается вдохновение, которым Пан наделяет мастера пера в ночь на 25 декабря. Также можно заметить параллель между образом Пана и Поэтом. Они оба отличаются от обывателя, их боятся окружающие люди: Пана – за его наводящую ужас внешность и могучую силу, а поэта – за пугающий дар пророка. Пан и поэт напрямую связаны с творчеством: один сотворил свирель, в то время как другой творит стихи. Героиня его не боится, не ужасается его внешности, а наоборот, видит в нем родственную душу, которая наделена врожденным талантом творить прекрасное («Он мной любим – рогастый, козлопятый»). Пан, как и многие поэты, страдает от безответной любви. И отвлечься от этого ему помогает именно сотворение музыкального инструмента, а душа поэта находит утешенье своей боли и тревог в написании стихотворений.

«Власть нагулявшись, засыпаю в полдень» – как и Пан, героиня, выполнив свой «добрый долг», ложится спать только днем. Хронотоп творческого процесса у Ахмадулиной чаще связан с ночным временем, с бдением у стола всю ночь до утра. «Моих причуд судья суровый понял, что прощай мне пребывать во сне». Здесь мысли лирической героини прерываются, и она снова возвращается из до-Наших веков в реальность. Но поэт все же ждет вдохновения и надеется, что свирель Пана ее «окликнет слух». Образ «сурового судьи» трудно интерпретировать однозначно: это может быть и сам Пан, веявший сквозняком, или близкий Пану (в сознании героини) Пушкин, или высшая сила, само вдохновение... Кто бы ни был им, субъект

речи подчиняется, исполняя чью-то волю и совершая «невольные прегрешения».

Таким образом, приходим к следующим выводам. Причины обращения к античным образам кроются в мотиве родства с Италией, погруженности лирической героини в контекст мировой художественной культуры, в том числе в «колыбель культуры» – античность.

Образ Пана *помогает создать образ носителя авторского сознания* – лирической героини, одаренной поэтически и потому обладающей особым мировидением, способностью оживлять в сознании целые эпохи, мифологические и исторические сюжеты и т.д. И Пан, и героиня – творцы прекрасного, оба напрямую причастны к искусству. Одаренные, они не всегда понимаемы окружающими, из-за этого зачастую несчастны. Они оба уязвимы: Пан был уязвлен стрелой «Амура-Эрота», он страдает от безответных чувств к Сиринге; лирическая героиня Ахмадулиной – обычный человек, который может испытывать физическую и душевную боль (текст стихотворения входит в цикл «Глубокий обморок», написанный в больнице). Лирическая героиня говорит о тщетности своего творчества, его несовершенстве. Но она не простой обыватель, в её сознании все взаимосвязано: разные эпохи, их приметы, образы. И Пан,

и героиня чтят природу – Пан ее покровитель, а Белла Ахмадулина относится к природе «как к величайшему таинству, перед которым она ощущает себя слабой и недостаточной» [8, С. 271-272].

Также введение образа Пана *помогает создать образ Поэта, Художника, Демидурга*, который, одарён, но лишен недостатков, свойственных человеку. Пан близок к этому образу. Они оба вечны: о мифическом персонаже будут помнить всегда, а бессмертное творчество Демидурга тоже навсегда останется в культурном наследии. Таким идеалом во всем творчестве Ахмадулиной часто выступает Пушкин. Здесь обращение к образу Пана *позволяет закодировать отсылку к Пушкину*. Пан одновременно и высшая сила («вевал сквозняком»), и поэт, преодолевающий страдание. Он видится промежуточным звеном между фигурой лирической героини, (в которой есть черты простого человека и одаренного поэта), и идеальным образом Созидателя. Это помогает *приблизиться к пониманию творчества*. У Ахмадулиной оно – всегда труд, который приносит физическое страдание, но Художник не может без него. Созидание прекрасного доступно только в случае благословения свыше и только тому, кто способен видеть мир вокруг себя иначе, во всей полноте связей с мировой историей и художественной культурой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадулина, Б.А. Моя родословная : поэма / Б. А. Ахмадулина. – URL: <https://pitzmann.ru/ahmadulina-moya.htm> (дата обращения: 08.11.2020). – Текст : электронный.
2. Ахмадулина, Б.А. Блаженство бытия / Б.А. Ахмадулина. – Текст : электронный // Знамя. – 2001. – № 1. – URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1327> (дата обращения: 08.11.2020).
3. Зубарева, В. Промельк Пушкина / В. Зубарева. – Текст : электронный // Prosōdia. – 2015. – № 2. – С. 57-80. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30028473_92995889.pdf (дата обращения: 08.11.2020).
4. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1954. – 445 с. – URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/kun/index.htm> (дата обращения: 08.11.2020). – Текст : электронный.
5. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы. В 2 т. Т. 2 : учеб. пособие для студентов / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – Москва : Академия, 2003. – 688 с. – Текст : непосредственный.
6. Символы времени: Белла Ахатовна Ахмадулина. Миг бытия / под ред. О. Грушников, С. Младова. – Москва : Аграф, 1997. – 300 с. – Текст : непосредственный.
7. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – Москва : Советская энциклопедия, 1935-1940. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68432> (дата обращения: 10.11.2020). – Текст : электронный.
8. Эпштейн, М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... / М.Н. Эпштейн. – Москва : Высшая школа, 1990. – 303 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Ahmadulina B.A. Moja rodoslovnaja: pojema [Elektronnyi resurs] [My family tree]. URL: <https://pitzmann.ru/ahmadulina-moya.htm> (Accessed 08.11.2020).
2. Ahmadulina B.A. Blazhenstvo bytija [Elektronnyi resurs] [Bliss of being]. *Znamja [Flag]*, 2001, no. 1. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1327> (Accessed 08.11.2020).
3. Zubareva V. Promel'k Pushkina [Elektronnyi resurs] [Pushkin's Sweep]. *Prosōdia*, 2015, no. 2, pp. 57-80. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30028473_92995889.pdf (Accessed 08.11.2020).
4. Kun N.A. Legendy i mify Drevnej Grecii [Elektronnyi resurs] [Legends and myths of Ancient Greece]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1954. 445 p. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/kun/index.htm> (Accessed 08.11.2020).
5. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. Sovremennaja russkaja literatura: 1950 – 1990-e gody. V 2 t. T. 2: ucheb. posobie dlja studentov [Contemporary Russian literature: 1950s - 1990s. In 2 volumes. Vol. 2]. Moscow: Akademija, 2003. 688 p.
6. Grushnikov O. (eds.) Simvolj vremena: Bella Akhatovna Ahmadulina. Mig bytija [Symbols of time: Bella Akhatovna Akhadulina. A moment of being]. – Moscow: Agraf, 1997. 300 p.

7. Ushakov D.N. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Elektronnyi resurs] [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1935-1940. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=68432> (Accessed 10.11.2020).

8. Jepshtejn M.N. Priroda, mir, tajnik vselennoj... [Nature, peace, secret of the universe...]. Moscow: Vysshaja shkola, 1990. 303 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Т.В. Попова, студентка 2 курса ОП «Русский язык и литература», Филиал ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» в г. Уссурийске (Школа педагогики), г. Уссурийск, Россия, e-mail: popovat0701@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3603-781X.

Т.В. Каширина, старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и методики преподавания, Филиал ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» в г. Уссурийске (Школа педагогики), г. Уссурийск, Россия, e-mail: kashirina.tv@dvfu.ru, ORCID: 0000-0003-1743-6647.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

T.V. Popova, 2nd year student of the School of Russian Language and Literature, Branch of the Far Eastern Federal University, Ussuriysk, Russia, e-mail: popovat0701@gmail.com, ORCID: 0000-0003-3603-781X.

T.V. Kashirina, Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Literature and Teaching Methods, Branch of the Far Eastern Federal University, Ussuriysk, Russia, e-mail: kashirina.tv@dvfu.ru, ORCID: 0000-0003-1743-6647.